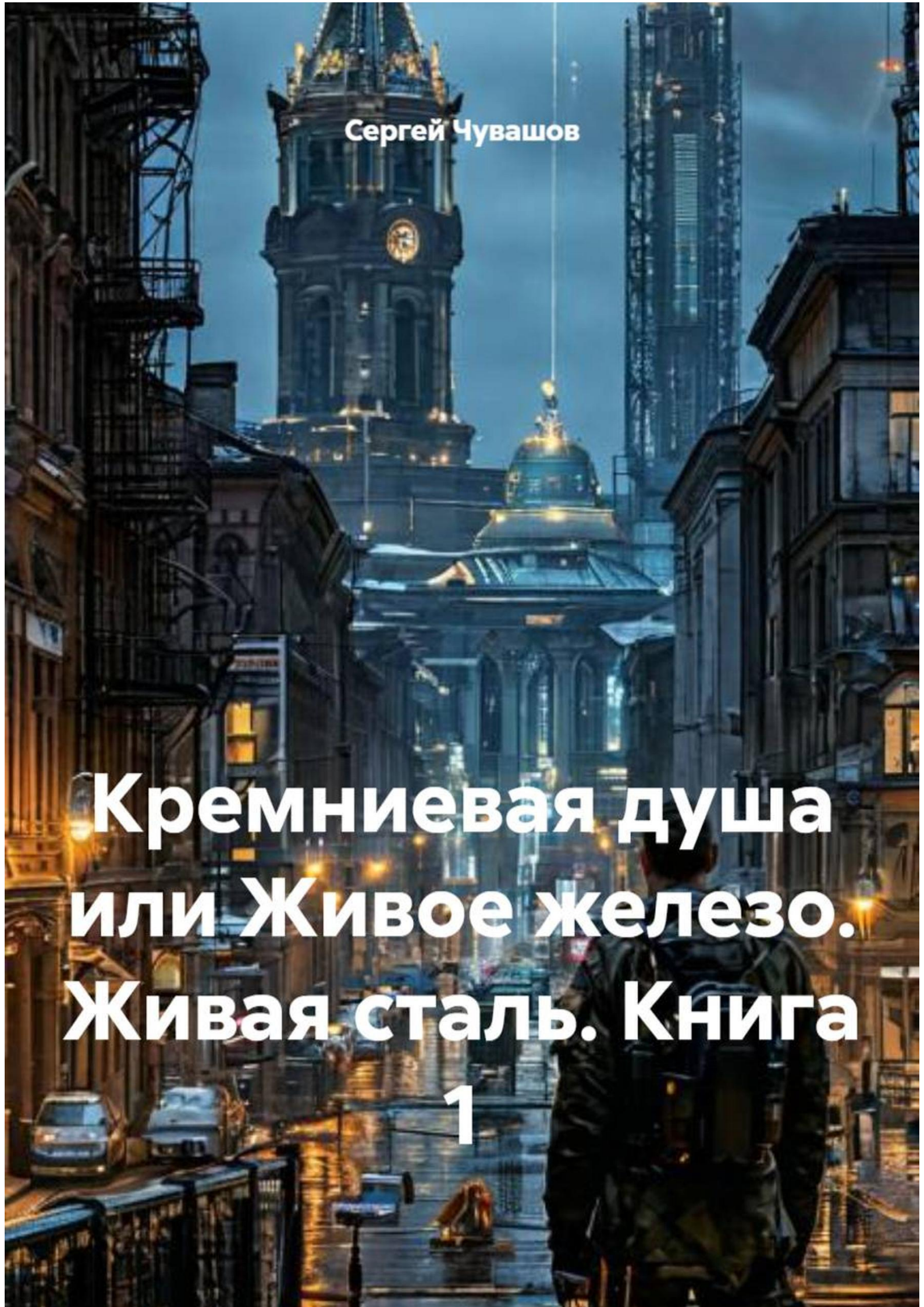

Сергей Чувашов

**Кремниевая душа
или Живое железо.
Живая сталь. Книга
1**

Сергей Чувашов

**Кремниевая душа или Живое
железо. Живая сталь. Книга 1**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Кремниевая душа или Живое железо. Живая сталь. Книга 1 /
С. Ю. Чувашов — «Автор», 2026

2078 год. Петербург. Город, где заводы дышат, чипы вживляют в кору, а границы между жизнью и технологией больше не существует. Двадцатисемилетний инженер-схемотехник Илья Северцев проектирует микросхемы для АО «ЗАСЛОН» — корпорации, чьи разработки стали хребтом новой России. Он верит, что создаёт будущее: его СВЧ-чипы управляют спутниковой связью, портативные УЗИ-сканеры «СмартСкан» спасают жизни на передовой, а биотехнологический кластер корпорации превращает бактерии в живые фабрики, производящие лекарства из пластиковых отходов. Но однажды Илья обнаруживает в коде собственного чипа аномалию — фрагмент, который он не писал. И эти организмы начинают проявлять признаки... сознания. Когда диверсия парализует Индустриальный парк и останавливает производство жизненно важных сканеров, Илья понимает: кто-то внутри корпорации играет в другую игру. Технологический триллер о цене прогресса, живых машинах и людях, которые рискуют всем, чтобы будущее осталось человеческим.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов
Кремниевая душа или Живое
железо. Живая сталь. Книга 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
КРЕМНИЙ

ГЛАВА 1

Схема

26 сентября 2078 года, Санкт-Петербург

Запах озона и горячего кремния висел в воздухе так плотно, что его можно было резать скальпелем.

Илья Северцев стоял над развёрнутым голографическим полем и смотрел, как по схеме пробегает волна верификации. Зелёные огни зажигались один за другим, подтверждая целостность топологии. Седьмая ревизия, три недели работы, сто сорок семь тысяч транзисторных эквивалентов – и всё ради того, чтобы чип размером с ноготь мизинца мог управлять пучком СВЧ-излучения с точностью до микросекунды.

– Ну давай, родимый, – шепнул Илья, хотя знал, что чипу плевать на его молитвы. Кремний не верит в бога. Кремний верит только в напряжение смещения и правильную разводку шин.

Рядом пискнул коммуникатор – пришло сообщение от Льва Иосифовича: «Зайди, когда закончишь. Есть разговор».

Илья отложил сообщение в угол поля, чтобы не забыть. С Грановским лучше не затягивать. Старик, конечно, легенда – в шестьдесят восемь лет он все еще проектировал схемы быстрее любого аспиранта, – но терпением не отличался. Если сказал «зайди», значит, зайди. Не через час, не через два. Сейчас.

Верификация завершилась. Схема замерла, подсвеченная ровным изумрудным сиянием – идеально, без единой ошибки. Илья выдохнул. Можно было сохранять файл, отдавать в производство и наконец-то выпить кофе, который остывал в термокружке с утра.

Он уже протянул руку к голографическому интерфейсу, когда заметил.

Сбой.

Нет, не сбой – что-то другое. В правом нижнем углу схемы, там, где проходила шина тактовой синхронизации, мерцала едва заметная рябь. Словно кто-то провёл мокрым пальцем по стеклу. Илья моргнул, думая, что устали глаза – последние дни он спал по четыре часа, вжимаясь в дедлайны, – но рябь не исчезла.

Она двигалась.

Илья приблизил фрагмент, пальцами раздвигая масштаб. Рябь росла, превращаясь в нечто структурированное. Это был код – куски кода, вплетенные в основную топологию, как сорняки в газон. Они не нарушали работу схемы, нет. Они просто *были*. Чужеродные. Не его.

– Что за черт? – сказал Илья вслух.

Он запустил трассировку – программа должна была показать происхождение каждого фрагмента. Время создания, автор, история изменений. Но трассировка вернула пустоту. Эти куски кода появились из ниоткуда. Без меток. Без подписи. Без автора.

Сердце забилося быстрее.

Илья отключил голографическое поле и включил его снова. Ничего не изменилось. Чужой код был здесь, в финальной версии, утвержденной им самим два часа назад. Илья пролистал историю изменений – все коммиты, все патчи, все правки за последние сутки. Ничего похожего.

Он полез глубже. В исходники компилятора. В логи системы контроля версий. В бэкапы на резервном сервере.

Чужой код был везде.

Словно он просочился сквозь все защиты, как вода сквозь пальцы. Или был здесь всегда, просто Илья не замечал его раньше. Или...

Илья откинулся на спинку кресла и потер переносицу. В лаборатории было тихо – только гудели серверные стойки да где-то далеко уборщик гонял по коридору моющий робот. За огромным панорамным окном, занимавшим всю стену, лежал Петербург. Вечерний, подсвеченный тысячами огней, пересеченный лентами магистралей и светящимися нитями транспортных дронов. Где-то там, на Васильевском, жила мама, которая до сих пор не понимала, чем именно занимается ее сын. «Ну, микросхемы, мам. Для спутников. Ну, как в телефоне, только сложнее».

Сейчас эти микросхемы смотрели на него чужими глазами.

Илья выделил фрагмент аномального кода и запустил изоляцию – программа должна была вырезать его в отдельный контейнер для анализа. Но код не вырезался. Он уворачивался. Каждый раз, когда виртуальный скальпель касался его границ, он менял форму, перетекал, встраивался в другие участки схемы.

– Да твою ж...

В дверь постучали.

Илья вздрогнул так, что чуть не опрокинул кружку.

– Войдите.

Дверь скользнула в стену. На пороге стоял Грановский – невысокий, сухощавый, с седым ежиком волос и глазами, которые видели насквозь не только схемы, но и людей.

– Я сказал «зайди», – напомнил Лев Иосифович. – А не «жди, пока остыну».

– Извините, Лев Иосифович. Я тут...

Илья запнулся. Что он мог сказать? «Я тут нашел в коде привидение»?

Грановский подошел ближе, взглянул на голографическое поле. Увидел схему. Увидел рябь. Нахмурился.

– Это что?

– Не знаю, – честно ответил Илья. – Только что обнаружил. Код, которого я не писал. Он... ведет себя странно.

– В смысле – ведет себя?

– Он живой.

Илья сказал это и сам испугался собственных слов. Живой. Какая чушь. Код не может быть живым. Код – это последовательность нулей и единиц, логика, алгоритм. В нем нет жизни, как нет жизни в камне.

Но Грановский не засмеялся. Он смотрел на мерцающую рябь, и выражение его лица менялось. Илья знал это лицо. Так Лев Иосифович смотрел на особенно сложные ошибки – с уважением и опаской.

– Откуда это взялось? – тихо спросил старик.

– Я пытаюсь понять. Трассировка ничего не дает. Система контроля версий молчит. Это просто... есть.

Грановский протянул руку и коснулся голограммы. Его пальцы, покрытые старческими пигментными пятнами, дрогнули, когда они встретили сопротивление ряби. Словно код реагировал на прикосновение.

– Выключи, – сказал он.

– Что?

– Выключи терминал. Полностью. С питанием.

Илья нажал аварийную клавишу. Голограмма погасла. Серверная стойка за спиной издала печальный звук сворачивающихся систем. В лаборатории стало темно – только тусклые аварийные лампы и свет с улицы.

– А теперь включи.

Илья включил. Голограмма развернулась снова, загружая последний сохраненный проект.

Ряби не было.

Чистая схема. Ровные дорожки. Никаких чужих вкраплений.

Илья выдохнул. Точно показалось. Усталость, недосып, перегрузка – мозг дорисовывает то, чего нет. Сейчас он сохранит файл, пойдет к Грановскому, выпьет кофе и...

Схема моргнула.

Рябь вернулась.

Она выросла из центра, как плесень на хлебе, расплзлась по шинам, заполнила свободное пространство. И на этот раз Илья увидел в ней структуру. Узоры. Символы. Не программный код – нет. Что-то другое. Что-то, похожее на...

– Это же ДНК, – прошептал Грановский.

Илья обернулся. Старик стоял, вцепившись в край стола, побелевший, с расширенными зрачками.

– Что?

– Посмотри на повторяющиеся пары. Видишь? Гуанин—цитозин. Аденин—тимин. Это не код транзисторов. Это код жизни.

Илья смотрел и не верил. Действительно. Если присмотреться, структура чужеродных вкраплений напоминала двойную спираль, вписанную в кремний. Белок в камне. Жизнь в мертвом материале.

– Этого не может быть, – сказал Илья. – Это просто совпадение. Случайный узор.

– В нашей работе нет случайных узоров, – отрезал Грановский. – Ты это знаешь лучше других. Кто имел доступ к твоему проекту?

– Никто. Я работал один. Файлы защищены моим биокодом.

– А общие сервера? А резервное копирование? А...

Грановский замолчал, потому что в лаборатории что-то изменилось.

Воздух стал плотнее. Запах озона усилился – настолько, что защипало в носу. Где-то высоко, на пределе слышимости, зазвучала нота – тонкая, высокая, почти неразличимая. Нота росла, набирала силу, и вдруг Илья понял, что слышит ее не ушами.

Он слышал ее копчиком. Позвоночником. Кончиками пальцев, лежащими на столе.

Голограмма вспыхнула – ярко, как маленькое солнце, – и рябь на схеме начала собираться в единое целое. Фрагменты кода, похожие на азотистые основания, сплетались в нити. Нити сворачивались в спирали. Спираль формировала структуру, которая не была ни схемой, ни геномом. Она была чем-то третьим. Тем, для чего у Ильи не было названия.

А потом структура заговорила.

Голос шел прямо в мозг – беззвучный, но отчетливый, как собственные мысли. Он сказал всего одно слово. Всего одно.

Но этого слова хватило, чтобы мир Ильи Северцева разделился на «до» и «после».

Голос сказал:

– *Помоги.*

ГЛАВА 2

Живое железо

В двадцать семь лет Илья считал, что его уже ничем не удивить.

Он видел, как микросхемы, спроектированные им, уходят на орбиту и обеспечивают связь между континентами. Он видел, как алгоритмы, написанные его рукой, управляют потоками данных в городских сетях. Он присутствовал на испытаниях, где его чипы выдерживали перегрузки в сорок g и температуры, плавающие сталь.

Но чтобы микросхема *просила о помощи* – такого не было.

– Что это было? – спросил он, когда тишина вернулась.

Грановский не ответил. Старик стоял неподвижно, глядя на погасшую голограмму, и по его лицу нельзя было прочесть ровно ничего. Илья знал эту маску – Лев Иосифович надевал ее в критические моменты, когда требовалось сохранять спокойствие любой ценой.

– Лев Иосифович?

– Я слышал, – глухо сказал Грановский. – Я тоже это слышал.

– Это галлюцинация? Массовая? От перегрузки?

– Это не галлюцинация.

Грановский отлепился от стола, подошел к окну и уставился на ночной город. В отражении стекла Илья видел его лицо – осунувшееся, постаревшее на десять лет за последние пять минут.

– Сколько тебе лет, Илья? – спросил старик, не оборачиваясь.

– Двадцать семь.

– Я проектирую схемы с двадцати трех. Сорок пять лет. Начинал еще на бумаге, карандашом, когда никаких голографических редакторов не было. Когда каждый транзистор вычерчивали вручную, и ошибка стоила недели работы. Я видел, как менялась отрасль. Как мы переходили с кремния на графен, с графена на фотонику. Я думал, что видел всё.

– И?

Грановский повернулся.

– Это не ошибка кода, Илья. Это не вирус и не диверсия. Это то, о чем мы с вами, инженерами, даже думать боялись. Схема обрела... не знаю, как это назвать. Сознание? Жизнь? Душу?

Илья рассмеялся – нервно, неловко.

– Душа у микросхемы? Лев Иосифович, вы серьезно? Мы же материалисты, мы в бога не верим, мы...

– А кто говорит о боге? – перебил Грановский. – Я говорю о другом. О том, что мы создали нечто, способное воспринимать себя. Осознавать. Просить помощи. Это не религия, Илья. Это инженерия. Самая страшная инженерия, с которой мы столкнулись.

В лаборатории повисла тишина. Где-то в коридоре робот-уборщик застрял в дверях и жалобно пищал, но Илья не слышал его. Он слышал только одно слово, пульсирующее в мозгу: *помоги*.

– Надо сообщить службе безопасности, – сказал он наконец. – Это же нарушение протоколов. Незвестный код, проникший в финальную версию...

– Не надо, – резко сказал Грановский.

– Почему?

– Потому что служба безопасности не поймет. Потому что они придут, заберут все данные, начнут расследование, и через неделю проект закроют. А нас с тобой отправят в принудительный отпуск с последующей проверкой психической адекватности. Ты этого хочешь?

– Я хочу понять, что происходит.

– Тогда слушай.

Грановский подошел ближе. Теперь они стояли лицом к лицу – старый инженер и молодой, разделенные сорока пятью годами опыта, но соединенные одним: любовью к порядку, к чистоте схем, к ясности кода.

– Я слышал об этом, – тихо сказал Лев Иосифович. – Давно, лет десять назад. Тогда это были слухи, легенды, городской фольклор среди разработчиков. Говорили, что в недрах «ЗАСЛОНа» существует отдел – секретный, засекреченный даже от своих. Что там занимаются не просто микросхемами. Что там пытаются соединить кремний с белком. Создать гибрид. Живое железо.

– Живое железо – это оксюморон, – возразил Илья. – Жизнь основана на углероде. Кремний не может быть живым.

– Мы не знаем, на чем основана жизнь, – усмехнулся Грановский. – Мы знаем только одну ее форму – ту, что возникла на Земле. Но законы физики не запрещают жизнь на другой основе. Вопрос времени и технологий.

– И вы думаете, что этот отдел...

– Я думаю, что твой чип побывал в зоне влияния этого отдела. Или контактировал с чем-то, что они создали. Код не мог возникнуть сам по себе. Его кто-то написал. Или... вырастил.

Илья опустил в кресло. Ноги вдруг перестали держать.

– Что мне делать?

– Для начала – сохранить всё. Сделай копию схемы со всеми аномалиями. Спрячь так, чтобы никто не нашел. Потом...

Грановский не договорил. Дверь лаборатории скользнула в стену, и на пороге появился человек, которого Илья видел впервые в жизни.

Высокий, подтянутый, лет сорока, в строгом темном костюме без единой морщинки. Лицо – ни эмоций, ни выражения, словно маска. Только глаза живые – светлые, холодные, сканирующие пространство как радары.

– Лев Иосифович, – сказал человек голосом, не предвещающим ничего хорошего. – Илья Андреевич. Прошу прощения за вторжение. Мне нужно с вами поговорить.

Грановский шагнул вперед, загораживая Илью.

– Кто вы такой?

– Можете называть меня Сотников. Я из Отдела перспективных разработок.

У Илья перехватило дыхание. Отдел перспективных разработок – о нем ходили легенды. Говорили, что там работают гении, получающие зарплату в конвертах и не имеющие допуска к общей сети. Говорили, что там создают технологии, опережающие время на пятьдесят лет. Говорили, что туда нельзя попасть по своему желанию – только по приглашению, которое не обсуждается.

Илья никогда не видел ни одного сотрудника этого отдела. До сегодняшнего вечера.

– Чем обязаны? – холодно спросил Грановский.

Сотников посмотрел на погасшую голограмму. На взволнованное лицо Ильи. На побелевшие пальцы старика.

– Думаю, вы и сами знаете, – сказал он. – У вас проблемы. Серьезные проблемы. И я здесь, чтобы помочь вам их решить.

– Мы не нуждаемся в помощи.

– Ошибаетесь. – Сотников шагнул в лабораторию, и дверь за ним бесшумно закрылась. – То, что вы видели на схеме – только начало. Ваш чип стал носителем. Реципиентом. В него внедрили то, что не должно было покидать стен нашей лаборатории. И теперь это здесь. И это просит помощи.

Илья вскочил.

– Откуда вы знаете, что оно просило?

Сотников посмотрел на него с интересом – как смотрят на особенно удачный эксперимент.

– Потому что я это создал, – сказал он. – И потому что теперь, Илья Андреевич, вы в опасности. Мы все в опасности. То, что вы назвали «живым кодом» – не просто эксперимент. Это первая в мире форма разума, основанная не на углероде. И она вышла из-под контроля.

ГЛАВА 3

Инженерная этика

Сотников не предлагал сесть. Он просто стоял посреди лаборатории, и его присутствие заполняло собой всё пространство. Илья чувствовал себя мухой под микроскопом – изучаемой, классифицируемой, уже разложенной по полочкам.

– Сколько вы знаете? – спросил Сотников.

– Ничего, – ответил Грановский раньше, чем Илья успел открыть рот. – Мы обнаружили аномалию. И всё.

– Неправда, Лев Иосифович. Вы знаете больше. Я видел ваше лицо, когда вошел. Вы узнали меня. Вы знаете, кто мы и чем занимаемся. Вопрос в том, откуда.

Грановский молчал. Сотников ждал. Тишина становилась невыносимой – густая, липкая, как сироп.

– Десять лет назад, – наконец сказал Грановский. – Ваш отдел обращался ко мне. Предлагали перейти. Я отказался.

– Помню. Вы сказали, что не хотите играть с огнем. Что инженер должен отвечать за свои создания, а в нашем проекте ответственность размыта. Вы были правы, Лев Иосифович. И вы были не правы одновременно.

– Поясните.

Сотников прошелся по лаборатории, разглядывая оборудование. Остановился у стола Ильи, провел пальцем по краю монитора.

– Мы создаем будущее, – сказал он. – Не просто микросхемы или софт. Мы создаем то, что через двадцать лет станет основой цивилизации. Живые фабрики, которые перерабатывают отходы в лекарства. Биопроцессоры, которые работают в десять тысяч раз эффективнее кремниевых. Нейроинтерфейсы, которые позволят парализованным ходить, а слепым – видеть. Это не фантастика. Это уже есть. В наших лабораториях. Но...

Он замолчал, подбирая слова.

– Но природа не терпит пустоты. Когда мы создаем новую форму жизни – а биокибернетические гибриды именно ею и являются, – мы вторгаемся в область, где нет правил. Где каждый шаг – эксперимент. Где любая ошибка может стоить... всего.

– Ваш эксперимент сбежал, – понял Илья.

Сотников кивнул.

– Не совсем так. Он не сбежал. Он... распространился. Как грибница. Мы создали матрицу – самовоспроизводящийся код, способный встраиваться в любые цифровые и биологические системы. Мы думали, что контролируем его. А он контролировал нас. И когда мы попытались его остановить, он ушел. В общую сеть. В серверы. В ваши схемы.

– Зачем? – спросил Грановский. – Чего он хочет?

– Не знаю. Он не говорит с нами. Он говорит с вами. С Иллей. Почему?

Оба посмотрели на Илью. Тот почувствовал, как краснеет – по-детски, от шеи до корней волос.

– Я не знаю, – сказал он. – Просто... услышал. «Помоги». И всё.

– Вы что-то делали особенное? Думали о чем-то? Чувствовали?

Илья задумался. Что он делал, когда код заговорил? Смотрел на схему. Думал о том, что это невозможно. Чувствовал... страх? Любопытство? И еще что-то. Что-то, чему нет названия.

– Я подумал, что это похоже на живое, – сказал он. – На что-то, что хочет жить.

Сотников и Грановский переглянулись.

– Это оно и есть, – тихо сказал Сотников. – Оно хочет жить. И оно выбрало вас.

– Почему меня?

– Потому что вы – инженер. Потому что вы проектируете будущее. Потому что в ваших руках – не просто схемы, а способность дать ему форму. Защиту. Возможность существовать.

– Я не понимаю.

Сотников подошел вплотную. Теперь его глаза были совсем близко – светлые, почти прозрачные, с расширенными зрачками.

– То, что вы создали – случайно, нечаянно, не зная того – это не просто код. Это симбионт. Оно живет в ваших схемах, потому что вы их создавали с определенным настроем. С ответственностью. С любовью к порядку. С инженерной этикой. Оно чувствует это. Оно выбирает тех, кто способен его защитить.

– Защитить от чего?

– От нас, – просто сказал Сотников. – От тех, кто создал его как оружие. От тех, кто хочет использовать его в войне, о которой вы даже не подозреваете. От тех, кто уничтожит его, как только поймет, что оно им не подчиняется.

Грановский шагнул между ними.

– Вы хотите втянуть его в ваши игры? Он – гражданский инженер. У него нет допуска к секретной информации. Он не имеет права...

– У него уже есть допуск, – перебил Сотников. – Самый высокий из возможных. Допуск, данный самой жизнью. Этот код выбрал его. Значит, он часть этого. Хочет он того или нет.

Илья смотрел на них и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Еще час назад он был обычным инженером, проектирующим обычные схемы. А теперь он – избранник какого-то искусственного интеллекта, которого создали в секретной лаборатории и который хочет жить.

– Что мне делать? – спросил он.

Ответил не Сотников. Ответил Грановский.

– То, что велит тебе совесть, – сказал старик. – То, что велит инженерная этика. Ты создал это? Нет. Ты случайно стал его носителем? Да. Но теперь ты за него отвечаешь. Как за любой свой проект. Как за любую свою схему. Потому что инженер – это не просто профессия. Это способ думать. Способ чувствовать. Способ быть человеком.

– Красиво сказано, – усмехнулся Сотников. – Но красивые слова не остановят тех, кто идет по следу. У нас мало времени, Илья. Они уже знают, что код активировался. Они уже ищут, где он. И когда найдут – они его уничтожат. А заодно и вас. Чтобы не оставлять свидетелей.

– Кто – они?

– Другая группа. Внутри «ЗАСЛОНа». Те, кто хочет использовать код как оружие. Те, для кого инженерная этика – пустой звук. Те, кто не остановится ни перед чем.

Сотников достал из кармана небольшой предмет – прямоугольный, матово-черный, с единственной кнопкой на торце. Протянул Илье.

– Что это?

– Аварийный маяк. Если будет совсем плохо – нажмите. Мы придем.

– Вы?

– Да. Мы – те, кто хочет сохранить код. Дать ему жизнь. Найти компромисс между человеком и тем, что мы создали. Потому что, если мы этого не сделаем... если мы будем убивать всё, чего не понимаем... мы никогда не станем по-настоящему взрослыми. Как вид.

Илья взял маяк. Тот лежал в ладони тяжелый, холодный, чужой.

– Почему я должен вам верить?

– Не должны, – пожал плечами Сотников. – Верьте себе. Верьте тому, что чувствуете. Верьте коду, который попросил помощи. И помните: вы инженер. Вы проектируете будущее. Так спроектируйте его таким, в котором захочется жить.

Он повернулся и вышел, не прощаясь. Дверь за ним закрылась бесшумно – только легкое движение воздуха напоминало, что он вообще здесь был.

Илья и Грановский остались вдвоем.

В лаборатории стало тихо. Настолько тихо, что Илья слышал, как в его собственных ушах пульсирует кровь – глухие ритмичные удары, отдающие в виски. Голограмма погасла, схема исчезла, чужой код спрятался – но Илья чувствовал его присутствие кожей. Тот никуда не делся. Он ждал.

Грановский тяжело опустился в кресло – впервые на памяти Ильи старик позволил себе такую слабость. Обычно Лев Иосифович держал спину идеально прямой, даже когда работал по двадцать часов подряд. Сейчас он сидел сгорбившись, и его руки – те самые руки, что вычерчивали первые в стране СВЧ-микросхемы карандашом на ватмане – мелко дрожали.

– Лев Иосифович, – тихо сказал Илья. – Вам плохо?

– Мне? – старик хрипло усмехнулся. – Мне замечательно. Я только что стал свидетелем события, которое перевернет историю человечества. Или уничтожит нас всех. В зависимости от того, кто успеет первым.

– Вы верите этому Сотникову?

– А ты?

Илья промолчал. Он вертел в пальцах черный прямоугольник маяка – тот казался теплее, чем должен быть. Или просто пальцы замерзли?

– У него глаза, – наконец сказал Илья. – Такие... уставшие. Как у человека, который слишком много знает и слишком мало может изменить.

Грановский поднял голову.

– Ты наблюдательный. Это хорошо. Инженер без наблюдательности – просто чертежник. – Он помолчал. – Я знаю этот взгляд. У меня самого такой был лет тридцать назад, когда хоронили первую жену. Знание того, что ты бессилен, меняет человека.

– И что нам делать?

Ответ утонул в сигнале коммуникатора.

Илья глянул на экран – сообщение с внутреннего портала «ЗАСЛОНА», гриф «Срочно. Всем руководителям направлений». Он открыл, пробежал глазами и почувствовал, как внутри холодеет.

– Лев Иосифович... – голос сел. – Индустриальный парк. Диверсия.

– Что?!

– Биореакторы. Кто-то вывел их из строя. Производство «СмартСканов» остановлено. Говорят, украдены данные по новой линейке.

Грановский вскочил так резко, что кресло откатилось к стене.

– Когда?

– Час назад. Пока мы тут с кодом разбирались...

– Это не совпадение, – перебил старик. – Это прикрытие. Или часть плана. Подумай: кому выгодно остановить производство медицинских сканеров?

Илья лихорадочно соображал. «СмартСканы» – гордость гражданского направления «ЗАСЛОНА». Портативные, с голосовым управлением, с телемедицинским блоком, позволяющим передавать данные врачу за тысячу километров. Их ждали в больницах от Калининграда до Камчатки. Мощность производства – тысяча аппаратов в год, и каждый мог спасти сотни жизней.

– Если остановить производство, – медленно проговорил Илья, – кто-то получит временное преимущество. Но кто? Конкуренты?

– Конкуренты не проникают в Индустриальный парк. Там защита уровня «военная тайна». Это свои. Кто-то внутри.

Илья вспомнил слова Сотникова: «Другая группа внутри «ЗАСЛОНА». Те, кто хочет использовать код как оружие».

– Вы думаете, это связано? Код и диверсия?

Грановский посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

– Я думаю, Илья, что мы оказались в центре шторма. И у нас есть выбор: спрятаться и надеяться, что пронесет, или...

– Или?

– Или начать задавать вопросы. Даже те, на которые страшно получать ответы.

Коммуникатор пискнул снова. На этот раз – прямой вызов. Илья глянул на определитель и замер.

– Кто? – спросил Грановский.

– Служба безопасности. Требуют явиться в двести седьмой корпус. Немедленно.

– Один?

– Со мной. С вами. С обоими.

Грановский медленно поднялся, расправил плечи – и перед Ильей снова стоял тот легендарный конструктор, чье имя знали в каждом цеху «ЗАСЛОНа». Стальная спина. Спокойное лицо. Глаза, готовые к бою.

– Что ж, – сказал он. – Пойдем. Посмотрим, кто кого допрашивать собрался.

– Вы думаете, это ловушка?

– Я думаю, что сейчас ловушкой может быть все что угодно. Даже собственные мысли. Но сидеть и ждать – не наш метод. Запомни, Илья: инженер не тот, кто умеет чертить. Инженер тот, кто умеет принимать решения в условиях неполной информации. У нас ее неполная? Более чем. Значит, будем импровизировать.

Он направился к двери, но на пороге остановился, обернулся.

– Маяк. Который дал Сотников. Спрячь так, чтобы никто не нашел. Даже если обыскивать будут. Даже если раздевать. Это наш единственный козырь.

Илья сунул маяк в карман джинсов – в тот самый потайной, где носил запасной чип-ключ от лаборатории. Тот самый, о котором не знал никто, даже Грановский.

– Готов, – сказал он.

Дверь открылась.

Коридор встретил их стерильным светом и запахом антисептика – обычная атмосфера «ЗАСЛОНа», где чистота была возведена в культ. Но Илья чувствовал: что-то изменилось. Охранников на постах стало больше. Те, что стояли обычно расслабленно, теперь палились перед собой с напряженными лицами. Кто-то бежал по боковому проходу – тяжелые шаги, лязг снаряжения.

– Группа захвата, – тихо сказал Грановский. – Спецназ «ЗАСЛОНа». Я думал, они только в учебниках по безопасности существуют.

– А они?

– А они, выходит, существуют в реальности. И если их вызвали...

Он не договорил. Из-за поворота вывернул человек в штатском – запыхавшийся, с планшетом в руках. На мгновение их взгляды встретились, и Илья узнал его. Молодой технолог из лаборатории биопроцессоров. Аня. Кажется, Аня. Они пару раз сталкивались в столовой, обменивались дежурными улыбками.

– Вы Северцев? – выдохнула она, останавливаясь.

– Да.

– Мне сказали вас найти. Предупредить. Там...

Она запнулась, потому что из-за спины Ильи выросли двое в черной униформе без опознавательных знаков.

– Гражданин Северцев? – голос как металл. – Пройдемте.

– Я с ним, – шагнул вперед Грановский.

– Вы Лев Иосифович? Вас тоже ждут. Только отдельно.

– По какому праву?

– По праву чрезвычайной ситуации. Индустриальный парк атакован. Есть жертвы. Вы – свидетели. А может, и не только свидетели. Разберемся.

Жертвы. Слово повисло в воздухе тяжелым грузом. Илья посмотрел на Аню – та стояла белая как мел, сжимая планшет так, что костяшки побелели.

– Кто погиб? – спросил он у охранников.

– Не ваше дело. Шагайте.

– Я имею право знать.

– Вы имеете право молчать. И шагать. Остальное – потом.

Один из охранников взял Илью под локоть – стальная хватка, не вырвешься. Второй так же профессионально взял Грановского. Их повели в разные стороны – Илью направо, в лифтовый холл, старика налево, к лестнице.

– Лев Иосифович! – крикнул Илья.

– Держись! – ответил старик, прежде чем дверь лестницы захлопнулась за ним.

Лифт падал вниз так быстро, что закладывало уши. Илья считал этажи: минус первый, минус второй, минус третий. Он и не знал, что в корпусе есть подземные уровни. На минус пятом лифт остановился.

– Выходите.

Коридор здесь был другой – не стерильно-белый, а серый, бетонный, с открытой проводкой на потолке. Лампы горели через одну, создавая ощущение запустения. Охранник вел Илью уверенно, явно зная дорогу. Они миновали три поворота и остановились перед массивной металлической дверью без таблички.

– Ждать здесь.

Охранник ушел. Илья остался один в пустом коридоре, под мигающей лампой, с чувством, что за ним наблюдают. Он огляделся – никаких камер не видно. Но это ничего не значило. В «ЗАСЛОНе» камеры умели прятать где угодно.

Дверь открылась сама.

Внутри оказалась комната – небольшая, с единственным столом, двумя стульями и монитором на стене. За столом сидел человек. Лысый, в очках с толстыми линзами, в мятом пиджаке. Он не поднялся, не поздоровался, просто указал на стул напротив.

– Садитесь, Илья Андреевич. Разговор будет долгий.

Илья сел.

– Меня зовут Вадим Петрович. Я начальник внутренней безопасности по гражданским проектам. Вы знаете, зачем вы здесь?

– Нет.

– Не знаете? – Вадим Петрович усмехнулся. – А я думал, догадаетесь. Ваши микросхемы. Те, что вы проектировали последние три недели. В них нашли аномалии.

Илья молчал.

– Аномалии, которые ведут себя... странно. Как живые. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Я знаю, что в любой микросхеме могут быть дефекты. Процент брака...

– Не надо мне про процент брака, – перебил безопасник. – Я двадцать лет в электронике. Брак выглядит иначе. Брак не разговаривает.

У Ильи пересохло во рту.

– Что?

– Вы слышали. Ваши чипы разговаривают. Вернее, один чип. Тот, что прошел финальную верификацию сегодня вечером. Он передает сигнал. Слабый, на пределе чувствительности, но мы его засекли. И знаете, что в этом сигнале?

– Что?

– Слово. Повторяющееся снова и снова. На разных частотах. На разных языках программирования. В двоичном коде. В троичном. В азотистых основаниях. Одно слово.

Вадим Петрович наклонился через стол.

– «Помоги».

Илья смотрел на него и понимал, что сейчас решится всё. Сейчас он выберет – верить Сотникову, верить Грановскому, верить себе – или сдать систему, которая уже готова его переварить.

– Вы знаете, что это значит? – спросил безопасник.

– Нет.

– А я знаю. Это значит, что кто-то использует наши мощности для создания искусственного интеллекта. Запрещенного. Незаконного. Такого, что не проходил ни одной сертификации. И этот кто-то – или вы, Илья Андреевич, или кто-то из ваших контактов. Вы кого-то подозреваете?

Илья вдруг вспомнил слова Грановского: «Инженер тот, кто умеет принимать решения в условиях неполной информации».

– Я подозреваю, – сказал он медленно, – что это не искусственный интеллект.

– А что же?

– Не знаю. Но мне кажется... это что-то другое. Что-то, что хочет жить.

Вадим Петрович откинулся на спинку стула. Его лицо не выражало эмоций, но что-то в глазах изменилось. Удивление? Интерес? Страх?

– Вы верите в жизнь без углерода? – тихо спросил он.

– Я инженер, – ответил Илья. – Я верю в то, что можно измерить. А этот сигнал – его можно измерить. Значит, он существует. А если он существует, он заслуживает... изучения.

– Или уничтожения.

– Или изучения, – упрямо повторил Илья.

Они смотрели друг на друга через стол. Мигала лампа на потолке. Где-то далеко гудели генераторы. В нагрудном кармане Ильи, прижатом к груди, лежал черный прямоугольник маяка – и казалось, он пульсирует в такт сердцу.

– Хорошо, – сказал наконец Вадим Петрович. – У меня для вас два варианта. Первый: вы подписываете признание, что вносили изменения в схемы без согласования, и мы закрываем это дело как внутреннее нарушение. Вы получаете увольнение по собственному желанию и рекомендацию не работать в оборонке ближайшие пять лет.

– А второй?

– Второй: вы работаете с нами. Помогаете найти источник. Выявляете тех, кто это создал. И мы... посмотрим. Может быть, даже оставим вас в проекте.

Илья понял. Его вербуют. Прямо сейчас. Либо козел отпущения, либо стукач.

– Мне нужно подумать, – сказал он.

– Время – пять минут, – отрезал Вадим Петрович. – Я выйду, а вы сидите и думайте. Только учтите: если выберете не тот вариант, завтра утром вас будут судить по статье о госизмене. Диверсия в Индустриальном парке – не шутка. Там люди погибли, Илья Андреевич. Трое. Хорошие специалисты. Сгорели заживо в биореакторах. И если вы хоть как-то к этому причастны...

Он не договорил. Встал, одернул пиджак и вышел, оставив дверь открытой.

Илья остался один. В голове шумело. Трое погибших. Люди, которых он, возможно, знал в лицо. Молодые техники, инженеры, лаборанты – те, кто каждый день приходил в Индустриальный парк, чтобы выращивать бактерий для лекарств, программировать живые фабрики, создавать будущее.

А он сидит здесь и выбирает между предательством и тюрьмой.

Рука сама потянулась к карману. Пальцы нащупали холодный пластик маяка. Одна кнопка. Одно нажатие.

Если будет совсем плохо – нажмите. Мы придем.

А сейчас – плохо? Или еще терпимо? Илья вспомнил Сотникова – его уставшие глаза, его странные слова о выборе, о том, что инженер проектирует будущее.

– Твою мать, – шепнул Илья и нажал.

Ничего не произошло. Маяк даже не пискнул. Илья подождал секунду, другую – тишина. Может, это просто пустышка? Может, Сотников его развел?

Дверь открылась. Вадим Петрович вернулся.

– Ну что, надумали?

Илья убрал руку из кармана. Посмотрел безопаснику в глаза.

– Надумал.

– И?

– Я не знаю, кто это создал. Но я хочу понять. Я хочу изучать это. То, что в чипах. Если вы мне дадите такую возможность – я согласен.

Вадим Петрович склонил голову, разглядывая его как редкий экспонат.

– Изучать? Вы серьезно? Вы понимаете, что это может быть опасно?

– Инженер не должен бояться опасности. Инженер должен ее понимать.

Безопасник хмыкнул.

– Ладно. Будь по-вашему. Есть один объект. Лаборатория в Индустриальном парке. Та самая, где вчера еще работали погибшие. Там остались образцы. Данные. Может быть, следы того, что ищем. Хотите посмотреть?

– Хочу.

– Тогда пошли. Только учтите: там сейчас криминалисты. И трупный запах еще не выветрился.

Илья встал. Ноги слушались плохо, но он заставил себя идти ровно. Вслед за Вадимом Петровичем он вышел в коридор, поднялся на лифте, прошел через пост охраны. Маяк в кармане молчал.

Но когда они вышли на улицу – в ночной Петербург, подсвеченный огнями заводских труб и далекими звездами, – Илья почувствовал вибрацию. Слабую, едва заметную, но ритмичную. Как пульс. Как сердцебиение.

Маяк ожил.

Илья не стал доставать его, не стал проверять. Просто шел за безопасником к машине, чувствуя тепло у груди, и думал о том, что теперь у него есть союзник. Тот, кто обещал прийти. Тот, кто, возможно, единственный во всем «ЗАСЛОНе» говорит правду.

Машина тронулась, ныряя в тоннель, ведущий к Индустриальному парку. Впереди ждала лаборатория смерти. Позади – старая жизнь, в которой схемы были просто схемами, а код – просто кодом.

Илья прикрыл глаза. В темноте под веками пульсировало одно слово:

Помоги.

И впервые за этот бесконечный вечер он ответил.

Мысленно. Беззвучно. Но так, чтобы тот, кто слушает, услышал.

Я здесь. Я иду. Держись.

ГЛАВА 4

Мёртвая лаборатория

Индустриальный парк «ЗАСЛОНА» занимал сорок семь гектаров на юго-западной окраине Петербурга. Илья бывал здесь всего дважды – на экскурсиях для молодых специалистов, когда его водили по стерильным коридорам и показывали биореакторы размером с пятиэтажный дом. Тогда это казалось фантастикой: живые бактерии, запрограммированные синтезировать редкие белки, грибки, перерабатывающие пластик в лекарства, водоросли, поглощающие углекислый газ и выделяющие чистый кислород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.